«Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: Никита Петров об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России»

Беседа и комментарии Яны Павлиди

Для цитирования:
Петров, Н. В. (Автор), Павлиди, Я. И. (Инт.). (2021). «Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России». *Фольклор и антропология города, IV*(1–2), 192–201. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-192-201.

Никита Петров — руководитель проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» (pastandnow.ru), поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197), старший научный сотрудник Центра изучения фольклора и антропологии города, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент Центра типологии и семиотики РГГУ (Москва). В интервью рассказывается о пролегоменах проекта по устной истории, внутренней кухне исследователей и некоторых методологических наработках. Расшифровка интервью подверглась небольшой редактуре: были удалены паузы и фальстарты предложений.

"A life you've been allowed to briskly touch": Nikita Petrov on individual memory and the project "The People's History of Russia"

Interview and comments by Yana Pavlidi

To cite this article:
Petrov, N. (Auth.), Pavlidi, Ya. (Int.). (2021). "A life you've been allowed to briskly touch: Nikita Petrov about individual memory and the project "The People's History of Russia". *Urban Folklore & Anthropology, IV*(1–2), 192–201. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-192-201

Nikita Petrov leads the project "The People's History of Russia: Crossroads of Local Civilisations" (pastandnow.ru) that is funded by the Presidential Grant Foundation (# 20–1–036197). He is a Senior Research Fellow at the Center for Urban Folklore and Anthropology Studies, the Head of the Laboratory for Theoretical Studies in Folklore (SASH ISS RANEPA) and an Assistant Professor at the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies (RSUH), Moscow. The interview dwells upon the prolegomenons of an oral history project, the inner workings of the research group and some of the methodological developments. The transcription of the interview involved some editing: pauses and false starts were omitted.

Расскажите о запуске проекта. Как из одной идеи родилась «Народная история России»?

Это не одна идея, а комплекс идей. В одном интервью я рассказывал о том, что основой для этого проекта стала работа фольклориста (см. [Канатова 2021]). Начиная с 1999 года мы ездили в экспедиции, в том числе фольклорно-этнографические: несколько раз с Н. В. Дранниковой, один раз с Ю. А. Новиковым и постоянно (с 2008 года) с А. Б. Морозом. С Андреем Морозом и студентами в экспедициях в основном работали, собирая интервью по вопросникам-программам: «Свадьба», «Похороны», «Насекомые», «Растения», «Зима» и т. д., — вопросов довольно много, и они охватывают практически все аспекты народной культуры[1]. Где-то с 2010 года я стал понимать, что люди на самом деле готовы рассказывать не только о темах, входящих в сферы нашего интереса. Отвечая на наши «фольклорные» вопросы, они говорили о своих впечатлениях от места, где живут, о своем месте и роли в истории, о своей биографии и жизни в деревне и в городах; связывали в историях свою частную жизнь с событиями локального, общенационального и мирового масштаба. История становления колхозов, аспекты личной биографии, эмоционально окрашенные нефольклорные истории в этих экспедициях зачастую оказывались за рамками наших исследований, за границами того, что мы расшифровывали. «Как жилось при Ельцине» — это рассказ, который вписывает судьбу человека в историю 1990-х, «как жилось при Горбачеве» — в середину-конец 1980-х. Это такие точки отсчета глобальной истории (на самом деле, не только российской, но и мировой), где человек чувствует себя комфортно, где его путь вписан в эту траекторию, в этот хронологический вектор. И прошлое в таких рассказах не мыслится только как нормативная практика поколений: «А как наши бабушки раньше делали?». Настоящая жизнь и частная устная история находятся где-то между строк фольклорных карточек и при этом остаются за границами официальной исторической науки. Мне на уровне ощущений было обидно терять устные истории людей, хотелось их задокументировать. Документальным источникам часто отдают предпочтение. Есть историки, которые занимаются глобальными и частными событиями. Есть микроистория Карло Гинзбурга, который обращался к документам. Письменный ли дневник, письмо, фотография или записка — все это имеет статус документа. Но то, что при этом остается в

[1] Программы можно посмотреть на сайте Лаборатории фольклористики РГГУ [http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/exped.html].

головах у владельцев этих документов, находится где-то вне. А ведь это тоже разнообразная и прекрасная реальность с огромным количеством фактов: от вариантов заточки коньков-канадок, на которых ребенком катался в середине XX века, — до сигарет, купленных в ларьке в 1990-е.

Еще одна точка отсчета была связана с фольклорной картой Москвы, над которой мы работали в 2013–2016 годы вместе с А. Б. Морозом и О. В. Беловой. Мы хотели собрать все, что было связано с фольклорными дефинициями города. Но то, что мы собирали, не всегда укладывалось в понятие «фольклор». Когда мы брали интервью у Вячеслава Всеволодовича Иванова, он говорил о своей жизни и лишь в конце, упомянув юродивого Витюшу, подытожил: «Пожалуй, из фольклора я помню в основном его»: «Ну, больше ничего такого фольклорного я не знаю» [Petrov 2015: 20]. Это меня утвердило в мысли, что то, что мы делаем, — это не только и не столько про фольклор, сколько про жизнь людей, связанную с местом и с осмыслением себя в пространстве здесь и сейчас.

Третья важная вещь — это мои занятия мнемоническими механизмами и антропологией памяти. Мне всегда было интересно, как происходит компрессия информации в головах у людей: почему, например, большие исторические периоды пропускаются как незначимые, а такие маленькие детали, как жевание гудрона, игра в Nintendo, йо-йо или тамагочи в 1990-е годы, запоминаются. Игрушка «уйди-уйди», заточка ножей или старьевщик оказываются триггерами для запуска целой цепочки воспоминаний, которой, к сожалению, не остается места в официальной истории. Вот так постепенно и сформировалась идея, которая сейчас называется «Народная история России».

Мне всегда хотелось записать людей, чьи биографии и чьи впечатления уйдут вместе с ними. Я знаю, как бывает трудно брать интервью у собственных родителей, расспрашивать их. Это редко когда бывает структурированное или даже полуструктурированное интервью, чаще — какие-то отдельные разговоры на 5, 10 или 15 минут, где ты всегда вовлечен в эту историю прошлого. Но при этом, когда ты говоришь папе или маме: «А давай запишем с тобой интервью», — то получаешь примерно следующий ответ: «Ну какое интервью? Что я могу сказать об этой жизни? Кому это нужно?». Поэтому важно, чтобы собирали интервью и расспрашивали люди, скажем, немножко чужие, которым можно было бы что-то рассказать впервые. Это очень похоже на поездные разговоры, когда совершенно незнакомый собеседник выкладывает тебе свои личные переживания. И это, конечно, функция психотерапевта, когда ты невольно становишься соучаствующим и молчаливым проектировщиком воспоминаний о прошлом.

И еще все это связано с большой географией. Многие из тех, кто приезжает в Москву, живет в ней какое-то время и собирается оставаться, испытывают определенного рода фрустрацию. Потому что люди в столице, например, ходят быстрее, чем обычно, и ты еще не до конца понимаешь, как ориентироваться, поэтому первое время можешь быть подавлен, пытаясь понять окружающее пространство. Людей очень много, и все они разные. Москва может быть одновременно теплым уютным городом и холодным непонятным монстром. Мне всегда было интересно понять, кто он такой — настоящий москвич, и что он может рассказать. Что могут рассказать люди, приезжающие в Москву, какие интеграционные тексты они создают, чтобы лучше адаптироваться. И, наконец, мне всегда было важно понять, что рассказывают об этом городе бездомные и мигранты.

Именно на соединении всех этих нарративов и получился первый проект, где мы сосредоточились на столице («Историческая память города: общедоступный портал устных рассказов о Москве»).

Второй проект назывался «Историческая память городов: от столицы к регионам». По сути, это продолжение и экстенсивное расширение первого проекта, но с добавлением одной важной детали. Нам хотелось, чтобы люди на местах, которые занимаются прекрасными вещами, но делают это под лейблом «краеведение», поняли, что это не только краеведение, но еще и особенно значимая для себя и других история, которую можно развивать в разные конфигурации: культурные, исторические, партисипаторные, социальные и т. д. Мы встречались с людьми, которые живут в Нижнем Новгороде, в Выксе (город в Нижегородской области), Иванове, Шуе, Рязани, Луховицах, и пытались показать, как можно работать с интервью и с живой памятью. Это, конечно, еще и социальная история, потому что на местах мы познакомились с местными акторами локальной истории, которые создавали и создают невероятно талантливые события: библиотекарь и культурный проектировщик Анна Медведева, замечательный экскурсовод и создатель музея Ирина Маслова, Людмила Синюткина, которая занималась городскими легендами. В других городах после поездок и лекций появлялись разные проекты, открывались музеи и выставки — люди начали делать потрясающие и важные вещи. Наверное, такая культуртрегерская деятельность отдает «остапобендеровщиной», но она в любом случае приносит свои плоды и результаты, и это очень здорово. Расскажи людям, чем ты занимаешься, — вдруг им это понравится, и тогда ваши векторы, ваши дороги на какой-то момент пересекутся и, может быть, будут потом идти параллельно.

Далее все усложняется, потому что конфигурация тех материалов, которые мы собираем, довольно непростая: это и интервью (коллективное, тандемное), и полевые дневники — наблюдения самих собирателей, которые они в той или иной степени фиксируют. «Народная история России» нацелена, с одной стороны, на понимание того, как устроен нарратив, как устроен человек и как устроена коммуникация. С другой — это социальная история, и здесь мне хочется верить, что когда-нибудь по этой базе данных можно будет восстановить и написать множество симпатичных работ, которые я бы условно назвал «К вопросу о глубинной памяти» или «Вопросы к русской памяти»: в какой степени наш нарратив зависит от того, кто именно перед нами, и почему, в каких обстоятельствах это все происходит и т. д. Все это фиксируется в полевых дневниках, и, конечно, любой исследователь может этим воспользоваться.

Еще один этап «Народной истории России» — это то, как люди разговаривают о территориях, которые никогда не принадлежали только одному государству, о местах пограничных и трансграничных. Это города между российской и эстонской, литовской, финской, норвежской и другими границами. Мы ездили на пограничье от Северо-Запада и до Юга (украинская, белорусская и русская стороны). Общение с людьми, проживающими там, — это потрясающий опыт, после которого возникает ощущение, что государство существует в качестве внешних границ, потому что люди мыслят себя совершенно по-другому. Они находят самые разные способы, чтобы сломать административные препоны, которые мешают им жить на своих территориях, в собственных лакунах и анклавах. Вот те базовые точки отсчета — концептуальные, географические и личные, которые позволили проекту начаться.

Вы сказали, что достаточно трудно брать интервью у своих близких. А что происходит в ситуации, в которой собиратель берет интервью в родном городе и в какой-то момент сам превращается в рассказчика?

Это тоже довольно сложная история. По идее, если я позиционирую себя как социальный антрополог, то я хорошо понимаю, что имею определенное влияние на конкретное интервью. Поэтому моя задача либо молчать, либо превращаться в полноценного собеседника и рассказчика — и превращать это в объект постоянной рефлексии. Интервью у нас очень разные: кто-то просто задает ряд вопросов и получает на них ответы, а кто-то ведет абсолютно полноценную беседу, в которой не разделить интервьюера и рассказчика. Некоторые интервьюеры больше рассказывают, чем слушают, другие умеют слушать и молчать. Это уже больше социальная сторона вопроса, нежели научная, она показывает, как важно уметь говорить и как важно уметь слушать — и тому, и другому. Если мы говорим об интервьюировании людей, с которыми были долгие взаимоотношения и которых мы любим, то здесь могут быть разные траектории. Некоторые люди могут обижаться, если это, например, отношения «учитель — ученик»: «Это же я должна брать у вас интервью, а не вы у меня». Если это бывшие одноклассники или однокурсники, с которыми вы вместе ударяетесь в воспоминания детства, но при этом рядом с вами находится диктофон, то все эти воспоминания в расшифровке превращаются в бессвязный набор отрывочных текстов. И здесь вы делились все-таки впечатлениями, а не историями. Поэтому должна быть дистанция, либо временная, либо возрастная. Или человек должен очень хорошо понимать цель своего рассказа. Если человек это понимает в первый момент своего рассказа, а потом забывает и просто начинает общаться, тогда интервью складывается.

Первое, что видишь, когда заходишь на сайт — карта с различными точками на ней. С деревней и городом понятно: там можно найти нужное место. А как вы поступаете с территорией, поиск координат которой вызывает сложности?

Здесь два варианта, очень простых. Исходя из архитектуры проекта: либо мы находим эту точку и все-таки уточняем место до географических координат, либо ставим какой-то неопределенный квадрат. Ставить полигоны и линии на карте тоже можно. Или же это уходит во второй большой блок, то есть в само интервью, и никак не кодируется и не оформляется. Мы все-таки привязаны к карте, которая дает нам базовое ощущение и основание для разметки территории. Если привязать рассказ к какому-нибудь месту не получается, он все равно никуда не исчезает и просто остается в интервью. В целом есть похожие проекты, где на основании интервью человека выстраивается карта его перемещений, условной миграции от одного региона в другой, от одной точки в другую (см. более подробно [Петров 2021]). Но здесь важны именно сами перемещения. У нас пока такого нет, но сделать таймлайн можно, это будет еще одной важной аналитической процедурой развития — как люди перемещались по России.

Какие рассказчики вам запомнились?

Об этом можно говорить часами. Очень сложно выделить какого-то определенного человека и сказать, что именно он мне запомнился. Безусловно, мне запомнились интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, потому что это величина и фигура, и в то время я еще не очень понимал, как можно расспрашивать. Это было великолепно, когда он рассказывал

про jardin botanique, про Москву 1930-х годов, про деревянный дом своего папы, про то, как они вместе с братом и гувернанткой-француженкой гуляли по Ботаническому саду. Чудесное интервью было с Николаем Всеволодовичем Котрелевым и с его женой Татьяной Фоминичной. Мы беседовали два раза. Николай Всеволодович сначала долго выпытывал о том, что мы делаем и зачем. Это нормальный, на самом деле, вопрос. Поэтому мне приходилось в самом начале концептуализировать то, зачем мне это нужно и почему я это спрашиваю. И после этого мне открылась какая-то совершенно другая Москва, дореволюционная и раннесоветская, сохранившая в себе немножко монархического строя и православного быта, где патриархальный уклад в доме выстраивается так, что оказывается формирующим для личности самого Николая Всеволодовича. Дальше — это и районы города, которых сейчас нет: несуществующая Катуаровка, в которой можно было бегать, жечь шины, играть. По его рассказам можно было буквально представить не только ментальную карту района, но и почти фактологическую карту конкретной территории. Совершенно чудесное было интервью было с Марком Григорьевым, который работает в газете «The Village Нижний Новгород». Марк сам журналист, замечательный молодой парень, который где-то на двадцатой минуте, казалось, просто забыл о том, что у него берут интервью, и начал рассказывать про свое детство, про свой маршрут: дом — детский сад — школа. Дима Четыре, прекрасный нижегородский фотограф и экскурсовод, который тоже поначалу тушевался, но потом понял, что бояться нечего. Про такое мало кто спрашивает, кроме нас, и именно момент слияния собеседников оказывается каким-то эмоционально формирующим, потому что человек тебе рассказывает, и ты вместе с ним идешь по этим местам: заходишь в садик, вместе куришь за школой. Я могу, например, пересказать практически все интервью из города Урюпинска. В Архангельске это интервью с моей классной руководительницей Надеждой Валерьевной Илимурзиной, которая рассказывала не только про Архангельск, а про родную Каменку и процесс становления учителем. И этот ее голос, интонация, личные воспоминания о первой любви — все оказывается теми самыми моментами, когда ты начинаешь любить человека, потому что сейчас ты проживаешь кусочек его жизни, он позволяет тебе это делать, и это невероятное чувство. Сложно выделить одно или два интервью — я могу выделить сто-двести и про каждое из них рассказать. Мы как-то долго работали с интервью Дмитрия Макарова из Выксы, журналиста, который занимается историей Выксунского района (Нижегородская область)[2]. На примере этого текста хорошо видно, что когда ты полностью вычитываешь текст и проникаешься им, то в какой-то момент начинаешь чувствовать себя тем самым рассказчиком, в нашем случае — самим Дмитрием. Это, конечно, апроприация чужих чувств и индивидуальной памяти, и если сейчас меня спросить про места и точки из той беседы, я, наверное, буду излагать версии Дмитрия почти как свои. И только хорошо понимая источники своих знаний, мы понимаем, что между индивидуальной памятью и коммуникативной существует некоторый shift.

> *На примере проекта можно проследить, как работает человеческая память. Особенно интересно, когда административные границы не совпадают с границами, которые выстраивает сам человек. Когда он рассказывает, например, о поляне, которая была именно на том самом месте, но при этом никакой поляны там никогда не было.*

[2] Интервью размещено на сайте «Народная история России» — см. [https://pastandnow.ru/mdv-001-01].

Да, это потрясающий эффект. Здесь я бы разделил ответ на несколько частей. Первое, это о чем говорите вы, настоящий историк назвал бы искажением. Но мы говорим, что это ментальная проекция, и с этой ментальной проекцией можно работать, понимая, что человек на самом деле сейчас находится не в своих тридцати пяти годах. Он — семилетний мальчишка, для которого именно здесь и существует та самая поляна, дом, речка, заборы, переулки. И нужно говорить про то, что историки, конечно, колонизировали точность факта, хотя на самом деле факт может быть совершенно разным. Это то, что называется или искажениями, или, наоборот, неверифицируемыми вещами. Особенно интересно, что когда ты о чем-то таком рассказываешь, тебе говорят: «А как это проверить? Нужны документальные источники». И ты долго начинаешь объяснять, что история выстраивается через альтернативные нарративы, которые могут быть разной степени верифицируемости и достоверности. Говоришь о том, что летопись или другой письменный источник настолько же плохо верифицируемы, как и устный рассказ.

Вторая часть тоже классная и связана с первой. Мне бы очень хотелось осуществить еще один проект. Сначала человек рассказывает тебе здесь и сейчас про свое прошлое, про свое детство, про улицы, переулки, различные места. Особенно здорово, если на момент своего рассказа он не находится в описываемом пространстве, и оно далеко от него — 1000 километров, 5000 или 8000 километров, не столь важно. А потом ты берешь и приводишь рассказчика к этим местам, чтобы он, предварительно прочитав свое интервью, еще раз провел тебя по этим точкам. Я почти уверен, что то пространство, которое ему казалось широким, длинным и большим, на самом деле сожмется до очень небольшого пятачка. И когда человек начнет понимать работу своей памяти, возникнет момент огромного удивления. Это достаточно стабилизирующая работа, потому что через два-три дня ты вливаешься в это новое пространство и начинаешь лучше осмыслять свои старые воспоминания о нем. И это очень здорово — сводить различные темпоральные и географические разломы в одном каком-то пространстве и времени.

> *Когда читаешь в интервью о каких-то важных исторических событиях, то понимаешь, что истории людей очень похожи. Если это, например, «лихие 90-е», то тебе рассказывают про дефицит, очереди, криминал. Складывается ощущение, что по этим текстам можно изучать историю целого государства.*

Я немного другого мнения. Да, интервью, которые мы собираем, на сайте размечаются по сюжетам: гигиенические практики, детство, школа, здоровье, бездомные, любимые места, взаимоотношения с соседями — сюжетов много. По идее, эти сюжеты выделяются из самих интервью и, возможно, действительно оказываются реперными точками той самой глобальной истории, в которую человек себя вписывает. С другой стороны, мне кажется, настоящее находится где-то дальше, потому что это — экзотизация прошлого. Например, человек рассказывает про «лихие 90-е», про дефицит и большие очереди. Фольклорист бы сказал, что это типичный мотив. Это все просто и хорошо, но мне кажется, это только начало, триггер, и настоящее чуть-чуть дальше. Поэтому человека нужно обязательно расспросить до конца, узнать, где он сам в этой истории. И окажется, что главный вовсе не дефицит, а девяностые воспринимаются совершенно по-разному. Для одних это романтическое время золотого прошлого, детства, когда жевали гудрон и были голодными, но при этом счастливыми. Для других — это

озлобленность или растерянность (если говорить о людях чуть постарше). То есть в реальности это не про моральное отношение к тому или иному времени, а про то, где в это время был сам человек, что он думал и чем жил. И мы понимаем, что это моменты формирования мировоззрения, которое опирается на глобальные точки в истории. Но настоящее все-таки дальше. Настоящее — это способ заточки коньков, на самом деле.

Да, я сейчас поняла, что, когда рассказчик вспоминал про дефицит и талоны, он на самом деле вспоминал про тот самый вкусный торт, за которым стоял в очереди вместе с мамой.

Знаете, есть люди, которые занимаются травматичным советским прошлым, а про это время есть такой мем: «При Сталине был пломбир очень вкусный». Они говорят: «Ну, конечно, был очень вкусный пломбир, но при этом сдобренный кровью». Совершенно понятно, почему пломбир этот был сдобрен кровью. Но вкусный пломбир, порядок в стране, да бог знает что — что угодно — оказывается риторическим обоснованием того, что прошлое для многих рассказчиков из этого мнемонического сообщества было хорошим. И вот тут, безусловно, начинается конфликт идеологических суждений о прошлом и риторик. Но мне кажется, что в этом нет никакой противоречивости: пломбир действительно был для них вкусным, потому что это их детство, это был, возможно, их первый пломбир. Просто это время совпало со временем правления Сталина. Мне очень интересно думать о том, что будет с людьми, которые выросли сейчас, в 2010-е или 2020-е годы: будут ли наши дети, даже дети детей, воспринимать это время как золотое и совершенно замечательное. Мне кажется, что так оно и будет, потому что история идет своим чередом, острые углы сглаживаются, если нет проработки тяжелого наследия прошлого, но это разговор не для нашего интервью.

Конечно же, самые интересные воспоминания — детские. Мы проводили несколько лекций и семинаров для детей и их родителей. Я пытался спросить у них про первые воспоминания, отделив родителей от детей. Удивительно, что дети там были 8–9 лет — они впервые всерьез задумывались о том, что помнят. Такое редко бывает. И первые вещи были, конечно, тактильные: очень многие помнят различные прикосновения, некоторые — побои, нежные поглаживания, руки. Вторыми идут уже какие-то фактурные вещи: запахи, которые преследовали их в детстве, яркие цвета, пятна. И третье — это, конечно, звуки. Вот на совокупности всех этих ощущений и выстраивается какой-то первый образ. Хотя, возможно, это ложная память, которую сформировали у ребенка родители, но мне хочется верить, что человек помнит себя и мир в основном через чувства и эмоции. Я очень люблю одну историю от Николая Котрелева: он купил мороженое и ходил с ним по маршруту, но при этом маршрут его — это не путь, который он прошел ногами, а мороженое, которое он съел по пути. Так определяется и время, и пространство. Или, например, «Олимпиада, данная нам в ощущениях». Наталья Петрова написала про это статью, там тоже совершенно чудесный материал [Петрова 2021]. Олимпиада 80-го года — чем она должна была запомниться? Спортсмены, соревнования? Нет, совершенно не этим.

Истории про иностранцев?

И не историями про иностранцев. Олимпиады как спортивного события для жителей Москвы en masse, по сути, не было. Событие стало точкой отсчета для личных ощущений и эмоций: продукты в магазины завезли,

кого-то выслали за 101-й километр, стало просторно и хорошо гулять по городу. Именно в этих рамках и нужно делать какие-то исследования, показывать, что все это — совсем не только про события.

Еще хотела спросить вас о будущем приложении: что в нем будет, какие функции оно будет выполнять, чем оно будет отличаться от сайта?

В обычных путеводителях всегда есть некоторый набор фактов: в этом доме жил великий писатель Максим Горький с такого-то по такой-то год, он написал такие-то работы, это дом архитектора Шехтеля, он построен тогда-то... И на самом деле, мы уже привыкли воспринимать информацию таким образом. Идея приложения для смартфонов совсем в другом. Сейчас она реализуется с частичным функционалом, но суть такая: есть различные маршруты, есть различные точки. Человек выходит на какой-нибудь маршрут, подвигает движок, кнопку «я на маршруте», и приложение ему предлагает: можно пойти вот туда, можно — вот сюда, здесь семь точек, здесь — восемь, здесь один километр, здесь — три. Дальше все, кто зарегистрировался в этом приложении, видят, что этот человек сейчас находится на маршруте, и могут дать ему запрос на присоединение. Получается, что это еще и такой устно-исторический Tinder, где люди могут усваивать историю и территорию вместе. Это первая важная вещь. Вторая важная вещь — это истории, которые будут не просто начитанными текстами, а маленькими кусочками аудио, рассказанных людьми, которые имеют свои представления об этом пространстве. Подходишь к какой-нибудь точке и слышишь, как детский голос говорит тебе: «А здесь я ел мороженое!». И ты понимаешь, что это не про архитектора и не про дом, а про что-то уже совершенно другое. Но если вы, например, интроверт и хотите изучать пространство в одиночестве, вы можете просто поставить режим «интроверта» и гулять самостоятельно. Есть еще один функционал, который мы бы хотели реализовать в будущем: если вы вдруг тоже захотите что-то рассказать про какое-нибудь место, то сможете включить диктофон/телефон, записать себя и отправить на эту точку маленькое воспоминание. И если оно будет соответствовать определенным критериям, мы поместим его в маршрут. Критерии эти довольно субъективны: если воспоминание соответствует полноте текста и его главной теме, если оно довольно эмоциональное и оно ваше, и если на месте записи не дует сильный ветер, перекрывающий ваш голос, есть вероятность, что история войдет в маршрут. Но главное отличие нашего приложения от стандартных экскурсионных — это то, что истории о разных местах будут рассказывать сами люди. Не один человек, не диктор, а многие голоса людей, которые про эти места что-то знают.

Каким вы представляете будущее проекта «Народная история России»?

Одна из ситуаций развития этого проекта — когда другие люди начнут собирать интервью самостоятельно. Сейчас такой функционал уже реализован. Если вы ткнете на существующую точку на карте и захотите добавить свои воспоминания к уже существующему месту, то вы сможете это сделать. Наша задача — максимально попытаться сделать это именно народной историей, чтобы люди сами могли делиться своими воспоминаниями. Но в этой связи возникает ряд сложных концептуальных вопросов: в какой форме они поделятся, что это будет за информация, кто это будет проверять. А так, конечно, глобальная задача для нашей карты — вся Россия, каждый ее район, каждый город, чуть ли не каждый дом и квартира, чтобы можно было создать целый слой, диахронический срез самых

разных вещей. Понятно, что это невозможно, но если человек складно рассказывает и хочет чем-то поделиться, то мы тут. Мы можем реализовать это разными способами.

Одной Россией проект, конечно, не ограничивается. Если все получится, в дальнейшем мы постараемся собрать интервью с экспатами — людьми, проживающими здесь и говорящими на других языках: испанском, итальянском, английском, немецком, чешском, польском и т. д. Мне кажется, это очень здорово, когда человек из Китая приезжает, например, учиться в университет РАНХиГС: он здесь мало что знает, у него есть только диаспора, община и несколько китайских магазинчиков. Он думает: «Как здесь жить?». И приложение ему предлагает, что с этим можно сделать, оно для него — путеводитель по новой территории. Сейчас такая опция есть для новых жителей городов, которые приезжают и выбирают себе квартиру, и это радует. Я два раза видел, как в метро люди смотрят pastandnow.ru, а потом открывают «Циан» и сравнивают свои впечатления с тем, что рассказывают люди. Им важно само ощущение от пространства, где они будут жить. Практическая польза проекта во многом связана с выбором для себя новой территории, где ты живешь, гуляешь, думаешь и любишь. Возможно, мы добавим еще какие-то документальные вещи: письма, марки, автобусные билеты, фотографии. Выглядеть это будет как дополнительный материал к информации о рассказчике: вот фото того самого дома, который снесли, вот счастливый трамвайный талончик, по которому высчитывалось нужное количество цифр. Очень важно, чтобы люди буквально проживали истории других людей, потому что тогда они становятся человечными и, наверное, более честными по отношению к себе. Когда ты вслушиваешься и вчитываешься в интервью, то понимаешь, что люди очень разные и что невозможно судить их по критериям добра и зла. И вот тогда ты хранишь каждого в сердце и в памяти, потому что это еще одна жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться.

Литература

Канатова, Е. (2021). Никита Петров — о том, зачем собирать, слушать и читать истории о городах [интервью]. Московская высшая школа социальных и экономических наук. Режим доступа: https://www.msses.ru/media/intervyu/nikita-petrov-o-tom-zachem-sobirat-slushat-i-chitat-istorii-o-gorodakh/

Петров, Н. В. (2021). Цифровые архивы частной памяти. Шаги/Steps, 7(1), 29–56.

Петрова, Н. С. (2021). Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России»). Шаги/Steps, 7(1), 136–150.

Petrov, N. V. (2015). “I Live in the Place Where the Troopers Wait, and Alexander Pushkin Is Walking...”: Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s. *Russkii Arkhive*, 7(1), 15–26.

References

Kanatova, E. (2021). Nikita Petrov on why one should collect, read and listen to stories about cities [an interview]. *Moscow School of Social and Economic Sciences*. Retrieved from https://www.msses.ru/media/intervyu/nikita-petrov-o-tom-zachem-sobirat-slushat-i-chitat-istorii-o-gorodakh/ (In Russian).

Petrov, N. (2015). “I live in the place where the troopers wait, and Alexander Pushkin is walking...”: Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s. *Russkii Arkhive*, 7(1), 15–26.

Petrov, N. (2021). Digital archives of private memory. *Шаги/Steps, 7*(1), 29–56. (In Russian).

Petrova, N. (2021). Olympic Games recounted via feelings (based on materials of the project “The People’s History of Russia”). *Шаги/Steps, 7*(1), 136–150. (In Russian).